

*Александр Блок и Ксения
Садовская. История любви.*

*«Синеокая тень у ледяного трона
Поэзии или грустная правда о
жизни принца Кая».*

- Ксения Островская родилась в 1859 году, в семье мелкого акцизного чиновника. Росла в маленькой захудалой усадьбе на Херсонщине, где большая семья едва сводила концы с концами. Нервная, скупая на сердечную ласку, издерганная бесконечными долгами, мать, безликий отец, тянувший ляжку незаметного чиновника, с вечной, слегка виноватой полуулыбкой на помятом лице. Синеглазую красавицу Оксаночку он любил, казалось, более других детей, все норовил погладить по голове, незаметно сунуть в руку конфету или пряник..... Ему нравилось, когда дочь играла по вечерам на стареньком расстроенном фортепьяно, почти неслышно напевая украинские песни или манерные французские романсы.

- Несмотря на явный недостаток средств и вечное недовольство властной своей супруги, сумел Михаил Островский каким - то образом все же настоять на том, чтобы любимица Ксения получила хорошее образование сначала в частной женской гимназии в Одессе, потом - в Москве и Петербурге.
- Она уже заканчивала Петербургскую консерваторию по классу пения, когда ее поразил тяжелый ларингит, болезнь горла, обычная для многих в сыром климате столицы. Денег на лечение в Италии и специальные уроки по сохранению и постановке голоса не было совсем. Подрастали братья и сестры, теперь нужно было учить их. Мечту о карьере певицы пришлось оставить навсегда. Ксения очень тяжело пережила внезапное крушение всех своих честолюбивых надежд.
- Девушка всегда страстно мечтала вырваться из – под гнета нищеты и обыденности

- Не получилось, не дано было, увы! Ксения обожала музыку, особенно – Вагнера, - несмотря на все запреты врачей, продолжала петь в узком кругу друзей, но служила не на театральной, оперной сцене, как мечтала, а в скучном Статистическом комитете. С удовольствием принимала участие в домашних музыкальных вечерах и спектаклях, на которые приглашали ее друзья. Часто ездила в оперу, особенно осенью, когда в Мариинском, по желанию Государыни императрицы Александры Феодоровны, неизменно давали серию опер Вагнера. На одном из таких длинных оперных спектаклей «проводатым – пажом» Ксении стал Владимир Степанович Садовский – юрист, знаток международного торгового права, некогда доцент - Новороссийского университета человек с положением и обеспеченный.
- Имеющая роскошную квартиру в Петербурге и уютное имение под Новороссийском, а также – двух дочерей и сына; - действительная статская советница, госпожа Ксения Садовская приехала в мае 1897 года на знаменитый германский курорт Бад – Наугейм, лечить подорванное третьими, тяжелыми, родами сердце и расшалившиеся в спокойном, но скучном до нетерпимости браке, нервы. И она никак не рассчитывала встретить на блестящем, модном светском курорте любовь..... В ее то возрасте?! В тридцать восемь лет? Полно! В эти годы возможно только легкое, ни к чему не обязывающее приключение, которое слегка развеет неизбежную в таких местах скуку.....

- Тетушка Блока, писательница Мария Андреевна Бекетова, самыми невинными фразами в «лакированной» биографии племянника изображает в лице Ксении Михайловны опытную светскую хищницу: «Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охвачен любовью. Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика»
- Да, красавец - юноша с античными чертами лица и подлинником шекспировских трагедий и сонетов под мышкой, почти мгновенно отбросил в сторону надоевшие пледы и нравоучения сухопарой тетушки и матушки – полковницы.

- Ухаживал он не очень умело, и оттого - то это выглядело в глазах Ксении Михайловны особенно трогательно: ежеутренние розы на крыльце, теневой конвой, шелест и хруст в зарослях ольхи за рамами спальни в отеле. Поначалу она растерялась, и от этой растерянности, должно быть, и вела себя несколько смешно и нелепо: капризничала, тиранила, была отчаянно влюбленного пажа публично зонтиком по руке, возвращала цветы, рвала билеты на концерт, словом, ошеломленная внезапно застигнутым ее «кружением сердца», и тщетно борясь с этим из последних сил, то отталкивала, то привлекала. Но все это только пуще разжигало пыл еще незакаленного в боях за сердце прекрасной дамы неловкого трубадура. Он, почти вприпрыжку, бежал на свидания на окраину городка, возле солевых градирен, или около туманного ивового озера, послушно катал синеокою «похитительницу сердца» в лодке.....

- Но было не только это. Один из таких вечеров очень нежно и плавно перешел в ночь. Свидания перестали быть лишь романтическими. Гимназист теперь возвращался домой под утро, бледный, взволнованный, и что - то усердно писал в своей книжке - альбоме, не позволяя никому до нее дотрагиваться. Вот этими строками он открыл свой первый лирический цикл, озаглавленный тремя буквами: «К. М. С.»:

Сердце занято мечтами,

Сердце помнит долгий срок

Поздний вечер над прудами,

Раздушенный Ваш платок

И еще, уже более определенно:

В такую ночь успел узнать я,

При звуках ночи и весны,

Прекрасной женщины объятья

В лучах безжизненной луны.

Опрощение и насмешка, право же, лучшее лекарство от юной любовной лихорадки! Ладьи, лебеди, луна, романтические вздохи туманные ивы, превратились стараниями отчаянно возревновавшей маман в плоскую литографию на облупленной стене курортного отеля. Но Александра Андреевна плохо знала собственного сына. По возвращении его в Россию тайная восторженная переписка с «синеглазой певуньей» продолжилась.

Вот уцелевшие строки из самого первого письма Блока - Садовской, отправленного еще из Шахматова в Бад - Наугейм от 13 июля 1897 года:

« Ухожу от всех и думаю о том, как бы побыстрее попасть в Петербург, ни на что не обращаю внимания и вспоминаю о тех блаженных минутах, которые я провел с Тобой, мое Божество..

В других многостраничных письмах он сравнивал Садовскую с «розой юга, уста которой исполнены тайны, глаза - полны загадочного блеска, как у сфинкса, который мгновенным порывом страсти отнимет всю душу у человека, с которым он не может бороться, который жжет его своими ласками, потом обдаёт холодом, а разгадать его не может никто...» Он преувеличивал, разумеется, романтичный юноша, но что то - уже сумел разглядеть вестим, всегда взрослым, взором истинного Поэта.

Шахматова, улица Визаля.

Картина В. М. Васнецова.

На ивах безконечный вид,
Закарами в курчурь облеченный,
Она визааль и поляр,
- Не в силах хрипл поляр сиверский
Визааль ио злыга жарарь,
Визааль казней радь кровавник,
И туча, и поляр, и поляр,
Злобней силу, шельб правник.
Предвостанний ужасом обьяр,
Красивый лики горурь любово,
Но визааль правдон збуарь,
Уарь, запекшия кровью... —

Александр

18²³/992.
Петербург

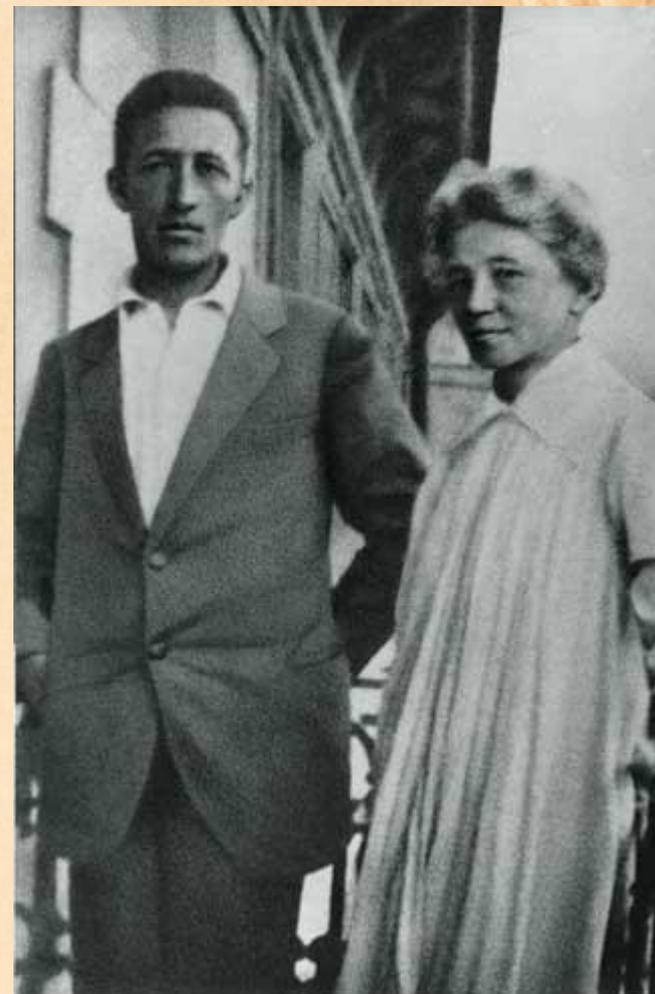

Они увиделись лишь восемь месяцев спустя после возвращения Садовской в столицу. Что мешало их более раннему свиданию и что стояло за словами: «страшная жизнь» для Поэта, гадать бесполезно. Были ли это продолжающиеся истерики матери или - украдкой прочтенные чужими глазами письма и дневники, язвительные насмешки и уколы, мелочное тиранство и угрозы, обычная, убивающая поэзию души, рутина жизни – неизвестно. Известны лишь строки записки А. Блока - Садовской, вскоре после их встречи, 10 марта 1898 года. Вот они:

« Если бы Ты, дорогая моя, знала, как я стремился все время увидеть Тебя, Ты бы не стала упрекать меня»... И далее, с обезоруживающей наивностью: « Меня удерживало все время все - таки чувство благоразумия, которое, Ты знаешь, с некоторых пор, слишком развито во мне, и простирается даже на те случаи, когда оно совсем нестати.»

Впрочем, Александр не прислушивался к советам своей матери и тетушки, и часами ждал Ксению Михайловну в закрытой темной карете в условленном месте или у ворот ее дома. Были тихие, уединенные прогулки по ажурным мостикам Елагиного острова, в темных зарослях парка, были стремительно бегущие часы в неуютных номерах гостиниц.... Было все. И даже - второй визит взвинченной от раскрывшейся тайны затянувшегося безумия, тапан к госпоже Садовской. В этот раз «королева – мать» оставила высокомерный, грозящий тон и уже просто умоляла «обольстительницу – сирену», быть благоразумной и отстранить от себя окончательно потерявшего голову юношу! Но едва Ксения Михайловна робко заговорила с Александром об этом самом благоразумии, супружеском долге, и прочих скучных вещах, как сошедший с ума от страсти наследник невротичной маменьки, впал в экстаз моралиста.

Ксения Михайловна пыталась истово следовать эгоистичным советам стремительно взрослеющего гимназиста - любовника, но вскоре слепая ее преданность и бесконечные, ревнивые сцены, упреки и мольбы о прощении (на почве подавленных душевных угрызений совести, быть может!) стали всерьез тяготить вспыльчивого, нервного юношу! Ему изрядно хватало опеки, слез и укоров дома и в любовных отношениях все эта излишняя экзальтированная нервозность и «романтическая сладость примирений и слез» была ему уже абсолютно не нужна!

Душа его леденела все больше. А свидания все чаще прерывались ссорами. Переписка, длаящаяся с перерывами до 1901 года, постепенно сводилась к выяснению отношений и вопросу о возвращении фотографий и писем с обеих сторон..... Близился грустный и совершенно банальный финал курортного романа.

